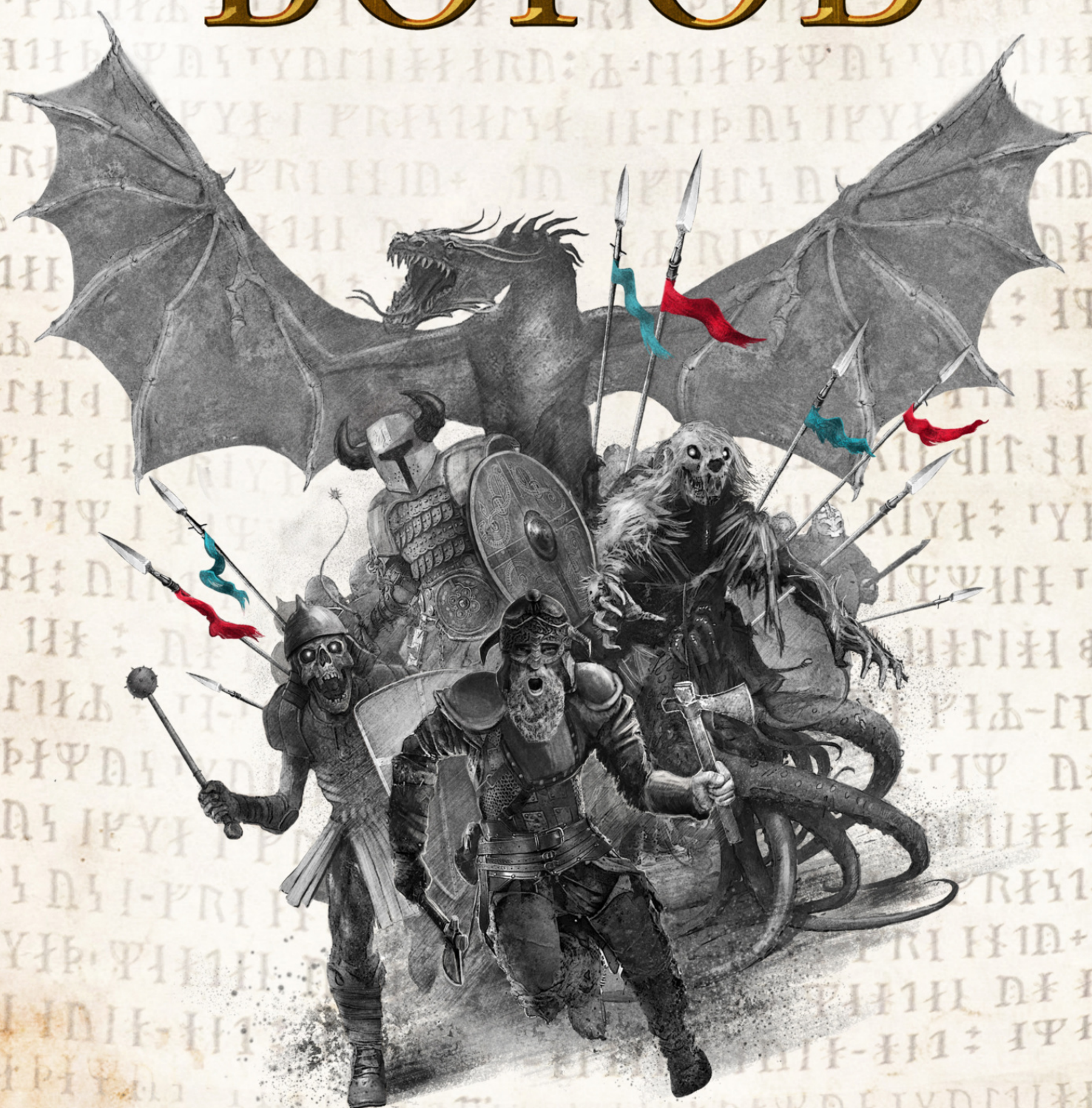

НИК ПЕРУМОВ

ГИБЕЛЬ БОГОВ

Хроники Хьёрварда

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Гибель богов

«Феникс»

1993

Перумов Н.

Гибель богов / Н. Перумов — «Феникс», 1993 — (Миры
Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37066-7

Хаген помогает своему учителю Истинному Магу Хедину освободить из заточения на Дне Миров Истинного Мага Ракота, который когда-то восстал против Молодых Богов. Вместе они развязывают войну за власть, в ходе которой призывают в Упорядоченное Неназываемое. Все выходит из-под контроля: магическое чудовище начинает пожирать миры один за другим. Молодые Боги сбегают, а мятежникам приходится спасать Вселенную и самим становиться Новыми Богами.

ISBN 978-5-222-37066-7

© Перумов Н., 1993

© Феникс, 1993

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ник Перумов

Гибель богов

Моей жене

Часть первая

Глава I

– Тревожные вести с Гнипахеллира, мой тан.

Лошади брели по самой кромке прибоя. Волны лениво лизали край отлогой каменистой осыпи; за ней круто уходили в поднебесье серые тела скал. Камень иссекли трещины, где уже успели укорениться карликовые сосны. Острые каменные клыки, излюбленное оружие Океана, тут и там торчали над водой, то покрываемые волнами, то вновь обнажавшиеся. Пахло гнилыми водорослями, в воздухе парили чайки.

Шестеро всадников в плотных серых плащах из грубой шерсти ехали парами вдоль берега. Четверо – с длинными мечами на левом боку, у пятого клинок был закреплен за спиной и рукоять торчала над правым плечом; шестой довольствовался здоровенной сучковатой дубиной. Головы путников покрывали одинаковые валяные шапки, подобные тем, что носят кузнецы, чтобы не подпалить волосы. По лицам никто бы не смог определить их звания и занятия; все, как один, были загорелыми мужами в расцвете сил; привычкой к оружию они напоминали королевских гвардейцев Видрира, покроем одежды и обращением между собой – свободных общинников с окраин Железного леса, конскими седлами и сбруей – табунщиков Рогхейма.

– Тревожные вести с Гнипахеллира, мой тан, – вполголоса произнёс один из всадников, обращаясь к спутнику с притороченным за плечами мечом. Воин с клинком на спине только что присоединился к остальным; он коротко кивнул, давая заговорившему знак продолжать.

– Карлы Рёдульсфьелля вновь жгут леса Ялини. Дым застлал северное небо, и птицы, обезумев, разбиваются о скалы во тьме. Гарь достигла жилища Гарма. Он пробудился.

Недобрые слова отзвучали. Тот, кого говоривший назвал таном, выслушал известие молча, только голова его едва заметно склонилась.

– Что слышно ещё? – отрывисто бросил он.

– Нестроение в Химинвагаре, – сказал другой всадник. – Владелец Хьёрлейв пошёл войной на Видрира.

– На Видрира? – Предводитель поднял бровь. – Вот уж не ждал такого от Хьёрлейва! Он, оказывается, отчаянный смельчак!

– Был слух, – понижая голос, продолжал человек, – неверный и смутный, его разносили Ночные Всадницы... Слух, что к Хьёрлейву прибыл тайный посол с острова Брандей!

– Остров Чёрных Магов – страх всей земли, – пробормотал тан. – Что они там унюхали, пожиратели падали, хотел бы я знать? Но продолжай! Была ли уже битва?

– Когда мы выезжали из Эрвасунда, Видрир лишь начинал собирать полки. Хьёрлейв перешёл реку Хатор на северной границе Хранимого Королевства.

– Ясно, – уронил тан и замолчал, нахмурясь. Его спутники терпеливо ждали, пока он размышлял.

– Лодин! Канут! Исунг! Вон за той скалой вы повернёте по тропе к бору Валле и дальше, трактом, – к мысу Ставнес. Туда гномы должны доставить оружие. Примите по счету – им уже заплачено вперёд. «Драконы» подойдут к мысу через три дня, считая от этого. Грузите оружие

и уходите на Хединсей. Фроди и Гудмунд! Вы проводите меня до Живых скал. Оттуда повернете к Рёдульсфьеллю. Ищите Хранителей Покрывала Ялини! Предупредите их о проснувшемся Гарме. Когда исполните это – идите на запад к заливу Унавагар. Там селение. Не жалея золота, купите ладью и выходите в море. Вам нужно достичь Хединсея, пока буря не разразилась. Ждите меня на острове до следующей луны. Если я не вернусь – забирайте Ильвинг... и – ищите себе и дружине новой земли. Слушайте моего Учителя... Помните, все вы поклялись Восемью Железными Гвоздями Врат Нифльхеля, что будете служить моему сыну!

– Мы помним, о тан, – глухо сказал один из всадников по имени Фроди, державший поперек седла могучую палицу. – Мы сдержим клятву или пойдём в Хель, презираемые всеми. Но, мой тан, мы никогда не задаем вопросов, однако сейчас дерзну спросить: зачем ты ищешь верной смерти у Живых скал? Оттуда не возвращаются.

– Выполняй приказ, Фроди, и вы все тоже! – жестко ответил тан, обрывая разговор. Он тронул поводья; заметно помрачневшие всадники двинулись следом.

На востоке едва-едва начинали появляться лишь самые первые признаки рассвета, повсюду – в оврагах, ложбинах и распадках – ещё лежала ночь. Невысокая стройная фигурка бесшумно пробиралась между деревьями, спускаясь к чуть журчащему ручью. У самой воды она остановилась, нагнулась над руслом, опустив в поток две узкие ладони. Ноги в мягких кожаных полусапожках бесшумно ступали по прелой хвое. Губы безостановочно, едва слышно произносили слова, слова складывались во фразы, и с каждой новой строфой мерно падающих двустий на дно глубокого, заросшего молодым лесом оврага словно вновь возвращалась Тьма. Очертания корней, стволов, сучьев дрожали и расплывались, будто подернувшись туманом; ручей журчал всё глуше и глуше, точно погружаясь в сон; узкие ладони медленно двигались над глиняной чашей, полной до краёв только что зачерпнутой воды.

Герои давнишних дней, сражавшиеся против ратей молодых богов в битве на Боргильдовом поле, знали, как поступить, увидев они девушку в овраге; Маги острова Брандей оказали бы ей покровительство.

Человек в сером, со скрытым мягкой маской лицом молча и неподвижно следил за происходящим. Его рука держала четырёхлучевую стальную звёздочку с острыми, как у меча, краями. Он не шептал заклятий, веря более своему оружию, чем Силам Дальним и Древним. Он не умел понять многого из того, что видел глазами, слышал ушами и постигал разумом, – и потому не боялся. Ему было интересно. Он медлил.

Вода в чаше подёрнулась ледком, раздалось змеиное шипение. Корни зашевелились, извиваясь, точно пытались вырваться прочь из земли; девушка мелкими-мелкими шажками двинулась вокруг сосуда. Руки раскинулись в стороны, слетела грубая, бесформенная шапка, рассыпались густые, коротко и неровно подрезанные тёмно-русые волосы. Каждое двустий падало, как удар молота. Лёд начал багроветь, словно по нему потекла человеческая кровь.

Человеку в сером пришлось сжать волю в кулак, чтобы не поддаться внезапно нахлынувшему страху. Ему казалось, что в глаза попала вода: окружающее вдруг расплылось и стало нерезким. Всё шло, как и описывал Настоятель. А он говорил, что ждать конца обряда нельзя ни в коем случае.

С коротким и резким выдохом-вскриком девушка ударила кулаком правой руки в чашу. Лед треснул, вверх взметнулись багровые брызги. Тонкое тело изогнулось дугой от боли, голова запрокинулась, казалось, она теперь ничего не видит и не слышит.

Воин в сером коротко взмахнул рукой – и смертельная звёздочка полетела прямо в открывшееся белое горло.

Но ещё быстрее оказались нежные узкие ладони; зачерпнув из чаши огненную влагу, они плеснули её навстречу летящему убийственному оружию. Металл вспыхнул, точно тонкая бумага, мгновенно рассыпавшись незримым пеплом.

Раздался жуткий хохот. Никакой человек, даже самый грубый или злобный, не смог бы так рассмеяться. Воин в сером окаменел, даже не взявшись за эфес короткого кривого меча у пояса. Из чаши прынул поток жидкого пламени, тут же охвативший человека с головы до пят. Он упал безмолвно – и огонь, повинуясь властному жесту тонкой белой кисти, тотчас исчез, скрывшись обратно в чашу.

Смеявшаяся наклонилась над поверженным. Руки с неженской силой вертели тяжёлое тело, однако на нём не нашлось ни знаков, ни гербов, ни амулетов. Кривой меч, окинув кратким взглядом, отбросили в сторону – ничем не примечательный клинок, людское изделие. Однако, после того как не ответивший ни на что труп швырнули в сердцах оземь, меч вновь подобрали. Едва касаясь стали, нежные пальцы легко пробежали по клинку раз, другой, третий... Дрогнули губы; повинуясь Словам Силы, в чаше вскипел и забурился жидкий огонь. Клинок погрузили в пламя, однако он не растаял и не расплавился, как любое иное человеческое оружие; его внезапно залила густая чернота – так на допросе молчит сильный духом, надменно отворачиваясь от палачей.

Но и этого оказалось достаточно. Глаза полыхнули несдерживаемой ненавистью; ногти впились в ладони. Теперь она знала. Голова вновь запрокинулась, на шее набухла синяя жила, из горла вырвался полный смертной угрозы вой – так волчица клянется отомстить за своих щенков. Движение руки – и чаша затянулась плотной коркой, похожей на запекшуюся человеческую кровь. Сосуд с огнём скрылся в заплочном мешке, и кусты с лёгким шорохом сомкнулись за ушедшей. Ночная Всадница взяла след. Он приведёт прямо к оплоту врагов её госпожи и наставницы.

Фроди и Гудмунд горячили коней, спеша на северо-восток, где за невысокой цепью старых, полустёртых водой и ветром гор лежали области Рёдульсфьелля, цветущего сада Ялини, Властительницы Зелёного Мира. Когда-то унылая и бесплодная земля превратилась в символ могущества богини, покрывшись за десятилетия её упорного труда прекрасными, невиданными, растущими только здесь деревьями, кустами и травами. Обо всём этом и о борьбе Ялини с упрямыми карликами, твердолобо и угрюмо отстаивавшими своё право жить на исконно принадлежащих им землях по законам и обычаям предков, подробно рассказано в «Оживлении Рёдульсфьелля».

За много миль до границы заповедных краев воины уже видели заткавшие всё небо облака дыма. Низкие, подпитываемые тысячами и тысячами поднимавшихся ввысь серо-чёрных столбов, облака эти нависали недоброй завесой, стремящейся навсегда скрыть солнце от мира. Ветер рвал в клочья их края, однако снизу подпирали новые клубы, и бреши тотчас заполнялись. Фроди и Гудмунд переглянулись и пришпорили лошадей.

Им оставалось миновать последнюю лесистую долину – ворота в Рёдульсфьелль, и они решили не останавливаться на ночлег. В этих диких краях, среди редких людских поселений, бродили существа древние, могучие и недолюбливавшие пришлых, а потому рисковать не стоило. В случае чего – днём добрые кони вынесут.

Дорога делала крутой поворот. Всадники послали лошадей по её внешнему краю, чтобы невзначай не столкнуться с кем не надо нос к носу. Миновали ольшаник – и глазам их открылась странная компания, усевшаяся прямо на поваленное поперёк дороги дерево.

Болтая ногами, обутыми в сапоги красной кожи, оживлённо переговаривались между собой пятеро низеньких древесных гномов; на коленях у каждого лежал лук. Что-то бормоча себе под нос и вращая круглыми жёлтыми, как у совы, глазами, мохнатой грудой возвышался болотный тролль; устало уронив на колени длинные натруженные руки с плоскими мозолистыми ладонями, молча сидел кобольд; и у самого края замер, напряжённый и прямой, эльф в дивных лазоревых доспехах, державший наперевес узкий и длинный клинок, играющий всеми

цветами радуги. За его спиной виднелся альв¹; его одежду покрывали десятки, даже сотни искусно нашитых стальных оперённых игл, рядом лежал заряженный одной из них самострел.

С подобным обществом ещё ни разу не сталкивался ни один из воинов тана Хагена; должно было случиться нечто невероятное, чтобы все эти существа собрались вместе. Фроди и Гудмунд натянули поводья.

– Позвольте пройти нам, почтенные! – произнёс Фроди на принятом в общении между людьми и нелюдьми языке, смешанном из словечек самых разных рас. Разумеется, он не питал никакого почтения к болотному кровопийце-троллю, да и к škодливым древесным гномам тоже, не в пример их дальним горным сородичам, великим искусникам и мастерам.

– Вам туда прохода нету, – проворчал в ответ кобольд. – Свара там идет нешуточная. Магию в дело пустили. Мы тут для того и сидим – путников оберегать.

Ясно, что главенствовал здесь не кобольд; и Фроди, спешившись, с поклоном обратился к эльфу. Разумеется, он не знал и не мог знать тайных эльфийских наречий, да и самого Перворождённого видел лишь третий раз в жизни – они крайне редко появлялись в людских областях, а где жили сами – то знало лишь малое число Мудрых.

– Мы явились сюда не праздно, – говорил Фроди. – Нам нужно отыскать Хранителей Покрывала Ялини. (Вся компания встрепенулась и тотчас насторожилась.) У нас важные вести для них. Разреши же нам проехать!

Эльф поднял большие, затуманенные тяжёлой думой глаза. Коротко взглянул на воина – как ножом пронзил – и снова отвёл взгляд.

– Ты служишь тану Хагену, – не то спросил, не то оповестил остальных своих спутников эльф. – Хорошо... можете продолжать путь. Но в Рёдульсфёлле война... рассчитывайте только на себя.

Он вдруг замолк на середине фразы: в лесу заполошно взволновались сороки, а спустя секунду из кустов упругим комком выкатился ещё один гном.

– Идёт! Идёт! Идёт! Прямо сюда! Идёт! – завизжал он, едва переводя дыхание.

– Думаю, вам лучше сейчас же уехать. – Глаза эльфа холодно блеснули. Его разношерстный отряд уже успел рассыпаться и затаиться. Альв – судя по всему, из Преданных – медлил, держа наготове самострел и ожидающе смотря на эльфа.

– Если вы в опасности, долг наш – сразаться рядом с вами, – твёрдо ответил Гудмунд, обнажая меч.

– Глупец! – потеряв терпение, возвысил голос эльф. – Мы караулим вставшую на след Ночную Всадницу! Вы здесь – помеха, а не помощь! Уходите, и да хранит вас Ямерт!

Мелодичному, исполненному могучей силы голосу, повелительному взгляду синих, как море, глаз невозможно было не повиноваться. Что-то магическое содержали в себе слова Перворождённого; Фроди покорно кивнул и повел коня в обход поваленной лесины, хотя в жизни своей он не склонялся ни перед кем, кроме тана Хагена, которого сам добровольно признал сильнейшим.

Однако уехать они не успели. Словно соткавшись из воздушных слоев, на дороге беззвучно возникла окутанная зелёным плащом стройная фигурка; капюшон был откинут, и воины Хагена окаменели: какая же это Ночная Всадница – милая, кроткого вида, раздумавшаяся девушка, совсем молоденькая, с короткими тёмно-русыми прядями. Только вот откуда этот странный кривой меч у пояса?

---

¹ Альвов и эльфов часто считали одним и тем же народом. Глубокое заблуждение! Альвы – творение рук великих эльфийских искусников прошлого; они изначально созданы благими и добрыми; однако затем многие из них стали тяготиться зависимостью от Родивших, как они именовали своих создателей; часть их покинула эльфийские области и стала жить среди людей, никогда, правда, не смешиваясь с ними. Освободившиеся альвы создали собственное царство Альвланд, занялись разными видами магии, опробовав её на своих соседях. Таких альвов люди действительно недолюбливают, случается, дело доходит и до стычек.

Сверху бесшумно упала плотная сеть двойной вязки, однако, прежде чем она накрыла ту, кого эльф назвал Ночной Всадницей или, попросту говоря, ведьмой, та успела поднять над головой Чашу, тотчас исторгшую из себя поток огня. Верёвки вспыхнули, в один миг обратясь в пепел.

И тут же чистый и мощный голос эльфа произнёс заклинание. Фроди услышал в нем гул сокрушающих преграды горных потоков, рокот катящихся вниз лавин, рёв беснующихся штормовых валов; заклинание рухнуло на Ночную Всадницу, как при землетрясении падает крыша дома на ничего не подозревающих обитателей.

Ни Фроди, ни Гудмунд не знали, почему Ночная Всадница так легко приняла этот неравный бой – ведь теперь, после Окружающего Заклятья, она уже не могла из него выйти, – вместо того чтобы спокойно обойти преграду лесом и продолжить путь, как поступили бы они, бывалые воины.

Капли жидкого огня, бестрепетно зачерпнутого узкой ладонью, полетели во все стороны, и там, где они падали, тотчас же взвивались рыжие языки пламени. Только теперь Фроди сообразил, что сейчас они видят нечто совершенно немыслимое – все Ночные Всадницы боялись Жгущего, изначально чистого божественного начала, а эта... Как, во имя милосердного Ямбрена, она овладела Огнём?

Гудмунду показалось, что те мгновения он думал именно так; на самом же деле изумление пришло много позже. Они с Фроди едва успели броситься ничком на землю, как вокруг них всё запылало – счастье ещё, что капли струящегося пламени не попали на одежду или доспехи.

Из-за дыма воины Хагена не увидели, что произошло дальше. Слышался многоголосый рев, вой и визг, хлопали тетивы; затем всё неожиданно стихло.

Ошарашенный Фроди поднял голову. Как под сильным ливнем, огонь быстро угасал, словно повинувшись беззвучной команде; синеющие уголья злобно шипели. Весь отряд охотников тоже оказался здесь. Обугленной грудой лежал мёртвый тролль – морда вниз, лапы раскинуты: подле него – гномы, обгоревшие, похожие на уродливые головешки. Кобольд сполз в канаву, словно прячась, и там испустил дух. А прямо перед ещё дымящимся стволом дерева, которое перегораживало дорогу, лежали рядом эльф и альв – на вид целые и невредимые, словно спящие; однако и они были мертвы – или умирали; рука альва ещё сжимала разряженный самострел.

Фроди склонился над эльфом. На теле Перворождённого он не увидел ни единой раны – и всё же тот погибал. В растерянности, не зная, чем и как помочь, люди застыли над ним.

Эльф медленно поднял веки. Глаза по-прежнему смотрели пронзительно и строго, но с каждым миготанием жизнь уходила из них; неосознанно Гудмунд приблизил ухо к едва заметно шевелившимся губам.

– Кто-нибудь... доберитесь до долины Бруневагар. Там – собрание. Предупредите... настоятеля...

Эльф едва слышно вздохнул и отошёл.

Ночная Всадница исчезла.

Смертный грех для истинного воина оставить без погребения тело храбро сражавшегося – Фроди и Гудмунд задержались. Неузнаваемые, дочерна обгоревшие тела гномов забрала их плачущая родня – несколько десятков лесных обитателей; они же помогли дотащить тролля к его упокою – глубокой болотной яме среди гиблой трясины, где он обитал; кобольда приняли в себя скалы – крошечная пещерка, наглухо замурованная после этого. Эльфа же и альва воины Хагена положили на поспешно сколоченный плот и пустили его по тихой лесной речке. Таков был закон: где бы ни настигла Перворождённого гибель – упокой его в ладье или просто на плоту и доверь этот скорбный груз даже самому крошечному ручью – вода пронесёт эту ношу через все извивы и коряги, доставит к морским побережьям, откуда, говорят, эльфы ухо-

дят невидимками на Закат, вслед за своими телами, чтобы там, в дивных неизвестных землях, родиться вновь.

– Где это – Бруневагар? – мрачно спросил у спутника Фроди.

– Семь или восемь дней пути отсюда на восток, – откликнулся Гудмунд. – Я слышал о тех местах. «Собрание» – это скорее всего монастырь, который там стоит ещё со времен Второго Вторжения Ракота.

– А, вспомнил! – хлопнул себя по лбу Фроди. – Но это... странный край.

– Странный, и чужаков там не любят; и всё же их надо предупредить. Не люблю я этих Всадниц, что бы тан ни говорил.

– Да, он не велит их убивать – только защищаться, – кивнул Фроди. – Но у нас приказ. Забыл про Хранителей?

– Не забыл! Но сдаётся мне – эта пламенная чаша ещё натворит бед... Вот что, друг, – разделимся! Я еду в монастырь. Не возражай! Перед таном я отвечу сам.

Фроди только крикнул: он знал, что отговаривать своего спутника бесполезно. Гудмунд повернул коня к Восходу.

Глава II

Я стоял, опершись на узорные серебряные перила, и молча смотрел вниз, где виднелись смутные очертания Мира, подёрнутые облачной дымкой. В этот миг там, подо мной, в пределах Смертных земель, вдали от ажурных парапетов Замка Всех Древних, что на самой вершине Столпа Титанов, в жалкой лачуге нищего родился мой Ученик.

За спиной чуть слышно даже для моего уха перезванивались тонкие хрустальные колокольчики – Жребий брошен, человеческая судьба выпадала из предначертанного прочим Смертным круга. Мой Ученик! Я ждал долгие десять веков – пока остальные делили власть. Но Закон Жребия неумолим – Маг не может не иметь Учеников, орудий для познания им Мира и для своего влияния на Мир. Совет Поколения может лишь отлучить его – на время. Я получил наивысший срок. Думаю, Макран и Эстери охотно покончили бы со мной – не будь убийство Мага Магом невозможным по Заветам Древних, обходить которые пока не научился ни один из волшебников моего Поколения... Всё, что смогли сделать эти двое, – побудить Совет осудить и отлучить меня. Однако срок изгнания истёк, и я вернулся, став куда сильнее, чем они ожидали. Пройдя змеиными тропами и мышиными норами, воздушными путями стрекоз и незримыми трактами духов, побывав на Восходе и на Закате, говоря с альвами и карликами, гномами и эльфами, людьми и гоблинами, троллями и гарридами, хедами и кобольдами, вступив даже в запретные области Призраков, я вернулся обратно – со Знаниями. В источающих смертельную заразу болотах Юга бескостные серые существа открывали мне тайны своего происхождения; дальние потомки Лунного Зверя, лунные волки, долгими ночами в усеянных костями ущельях Бьёрсвердена выдавали мне секреты своих преобразований; чёрные, схожие с исполинскими червями создания в бездонных провалах Морайи, шипя, повествовали о путях в Хель, о Законах Чёрного Тракта. Я беседовал с мертвецами, лишёнными покоя, с колдунами и шаманами Смертных, которым немало открыли в своих откровениях Древние. Мои собственные сородичи закрыли мне пути к Тайному – я поневоле отыскивал иные дороги. Я узнал многое. Я стал иным. Поняли ли это остальные?

В извивах неба родился ветер, пронёсся над башнями Замка, играя прихотливыми флюгерами. Затихая, всё ещё переговаривались колокольцы. Плыли внизу облака...

Кто-то бесшумно появился у меня за спиной, и я тотчас напрягся, не торопясь оборачиваться. Проклятье, она, опять она! Что ей нужно на этот раз? Новая игра?..

– Поздравляю, Хедин, – услышал я ее голос, мягкий, обволакивающий и в то же время настолько открытый, что, казалось, им невозможно было лгать. Она радовалась за меня? Приложив столько усилий к тому, чтобы похоронить без остатка все мои прежние начинания?

– Если бы это сделал кто-то иной, не я, ты забыл бы обо всём в жажде отомстить, – негромко заметила она, не скрывая, что прочла мои мысли – забывшись, я думал не таясь, как человек. – Я надеялась, что *мне* ты мстить не станешь... или, по крайней мере, начнёшь не сразу, а, остыв, поймёшь, что никому из Совета – и мне в том числе – твоё безрассудство не оставило иного выхода.

– Сигрлинн! – Признаюсь, я с трудом выговорил её имя. Однако теперь она уже ничего не могла прочесть у меня в сознании. – Давай не будем о прошлом. Что сделано, то сделано, и никто не сможет изменить минувшее. Я не раскаялся, не забывай.

– Неужто ты думаешь, что я стала бы говорить с тобой, отрекись ты от самого себя? Ты таков, какой есть.

Волшебница Сигрлинн. Одна из самых могущественных среди нашего Поколения. Глубоко проникшая в тайны Высшей Магии; одна из четырнадцати, что составляют Совет Поколения... и – в прошлом мой главный противник, которая повергла во прах твердыню моих Уче-

ников, взорвала так долго создававшуюся мной Ночную Империю; а на руинах моего детища она воздвигла своё любимое Хранимое Королевство.

А когда-то, на самой заре нашего Поколения, Сигрлинн была моей возлюбленной.

– Так что же дальше? – не выдержал я. – О чём пойдёт у нас речь? Вспомним, как возводили Голубой Город и не знали, что такое раздор? Или, быть может, побеседуем о чем-нибудь не столько отдаленном? У меня есть что порассказать! Например, как выжить среди вечных льдов Хверьелунда, волею справедливого Совета оставшись без власти над Огнём! Послушай – глядишь, пригодится...

Она остановила меня жестом, но не гневным, не презрительным, а показавшимся мне исполненным сожаления.

– Зачем ты говоришь так, Хедин? – Она укоризненно склонила набок голову. – Скажи лучше, что будет с этим твоим Учеником? Ты ведь наверняка измыслил для него нечто необычайное!

По Закону Древних ни один Маг не смеет вмешиваться в дела между другим Магом и его Учениками; даже Совет не имел на это права.

Я не мог понять, зачем ей нужен этот разговор.

– Не молчи, – вдруг попросила она. – Ты закрылся, я не знаю, о чем ты сейчас думаешь, но все твои ссылки на Кодекс Золотого Круга я могу привести и сама. Давай оставим все эти законы и уложения! Мне просто интересно; и ты ведь знаешь: я никогда не предавала тебя и не била в спину. Я послала тебе вызов по всем канонам Древних – за двадцать один день до войны. И до этого...

– До этого! Какое это теперь имеет значение! – Наверное, я не сдержал горечи и тотчас заметил в глазах Сигрлинн нечто вроде удовлетворения. Похоже, она забавлялась отыскиванием прорех в броне моего спокойствия.

И тут мое терпение лопнуло. Я пошёл вперёд с открытым забралом, как в былые годы.

– У меня будет Ученик, – медленно сказал я, глядя ей прямо в глаза. – Ученик, который оставит далеко позади всех прочих. Я дам ему то, чего не давал ещё никому; он станет великим воином, знатоком боевых и магических искусств; я научу его чувствовать жажду познания и утолять её; и он воздвигнет Царство, невиданное в истории Смертных!

Моя горячая тирада была прервана гримасой разочарования на лице Сигрлинн. Я осёкся, как осекался и раньше, едва замечая малейшие признаки её неудовольствия. Она покачала головой, отводя взгляд.

– И это всё? – разочарованно протянула она. – Я не услышала ничего нового; я ждала большего, Хедин! Неужели у тебя в голове одна только война?

Я прекрасно знал, что Сигрлинн имеет в виду.

– А что ещё, кроме войны, может служить достойным занятием мужчины? – поддразнил я её, изо всех сил стараясь, чтобы каждое слово казалось прорвавшейся наконец на поверхность, давно вынашиваемой тайной мыслью. – Война есть вершина человеческого духа и судьбы! И я уж постараюсь, чтобы на сей раз ничто не помешало бы моему Ученику подняться к вершинам славы! А какая мне от этого будет польза – это, прости, пока секрет. Хотя ты и послала мне вызов, но, сама понимаешь...

– В чем твоя сила, – неожиданно спокойно произнесла она, – никогда не поймёшь, говоришь ли ты серьезно или шутишь. Но неужели прошлое тебя ничему не научило? Ты создавал бойцов, могучих и сильных, они одерживали победы – но затем всё кончалось ужасными разгромами и реками крови твоих последователей!

Здесь она ошиблась – взяла неверный тон. Я терпеть не могу слушать поучения.

– Предоставь решать это мне, – огрызнулся я. – Почему все женщины вообще – и волшебницы в частности – так любят совать свой нос в чужие дела? Я не я буду, если не подскажу моему Ученику держаться подальше от вашей сестры!

– Уж не потому ли ты собираешься сделать отданного тебе аскетом, что сам не больно-то снискал успеха у нашей, как ты выразился, сестры?

Удар ниже пояса.

– Я не вмешиваюсь в то, как и чему ты учишь своих воспитанников, – закипая, ответил я. На скулах против воли вспухли и затвердели желваки. – Так что и ты оставь меня в покое!

– Я-то оставляю, Хедин, – отчего-то грустно ответила она. – Другие вот не оставят...

– С другими я сам разберусь! – отрезал я.

– И уйдёшь в изгнание, как в прошлый раз? Смотри, Мерлин может пойти и на большее...

...Разве когда-нибудь она допускала, чтобы последнее слово в споре оставалось не за ней?..

Сигрлинн исчезла – то ли растворилась в воздухе, как она любила делать, отправляясь на землю, то ли избрала иной, неведомый мне путь; я так и не понял, куда она делась, во всяком случае, на Совете ее уже не было.

Я постепенно успокаивался. Сигрлинн – кто она теперь? Бывший враг, который даёт понять, что не против прекратить вражду? Старый друг, пытающийся не дать мне совершить роковую ошибку?.. Однако тут грянул Большой Замковый Колокол, и все посторонние мысли мигом вылетели у меня из головы.

Ожил колокол, отлитый в века столь давние, что даже Древним события тех времён казались одной лишь сказкой. Сколько же лет я не слышал этих гордых и властных созвучий, плывущих в беспредельности Срединного Неба! Я совсем забыл об их действии на таких, как я: голову сжали тиски тупой, давящей боли – Совет ещё не до конца снял с меня вердикт виновности. Если бы я приблизился к Замку в дни изгнания, до истечения его срока, звуки Колокола просто свели бы меня с ума.

Кровавая муть, заставшая мне глаза, отступала медленно, точно нехотя. Меня согнуло в три погибели, лицо заливал пот. Без телесной оболочки Магу не обойтись: но, Великий Дух, сколько же от неё порой неудобств!.. Впрочем, равно как и удовольствий.

– Хедин, Познавший Тьму! – раздался идущий отовсюду и ниоткуда холодный голос, впервые за тысячу лет поименовавший меня вместе с титулом. Великий Мерлин, Глава Совета Поколения. Точно так же, без всякого чувства, он произносил слова приговора в злые дни моего разгрома. С силой Мерлина я при всём желании не мог здесь бороться. Пока не мог.

Каменные плиты разошлись. Я увидел знакомый до мелочей, ни в чем не изменившийся Зал Совета: огромный стол чёрного дерева в середине; тканые золотом и серебром гобелены с гербами членов Совета на стенах; хрустальный Шар Жребия на мраморном постаменте в глубине; и тринадцать пар глаз, в упор смотревших на меня. Лишь тринадцать, потому что четырнадцатой, Сигрлинн, не было на Совете.

Я сжал зубы. Противостояние началось – а ведь я ещё не перешагнул порога.

Ни один из них не верил мне. Они не могли изменить скрепленного Печатью Вечности решения – только поэтому я стоял здесь, а не висел, прикованный, в одной из Нижних Земель... Второй раз они не остановятся и перед этим, понял я. Пошлют Астрального Вестника к самому чертогу Предвечных Владык за разрешением – так они уже расправились с Ракотом.

Но пусть не я первым нарушу этот мир, хотя бы и худой! Повинуясь строгому этикету, я поклонился, коснувшись правой рукой сердца. Под ногами вспыхнула серебристая дорожка – от порога к самому Шару Жребия.

Я сделал несколько первых шагов. Отчего-то они оказались очень трудны, голова кружилась, в виски толчками билась кровь. Я всеми силами заставлял себя держаться прямо, и уже где-то глубоко внутри начинала закипать шалая, неистовая радость, постепенно пробиваясь в верхние слои сознания, – я словно выходил из затхлого болота миражей на твёрдые

камни реального мира. Ученик! Для меня это слово гудело мириадами органных труб, полыхало всеми пламенами Вселенной и Светом Обетованного. Я вновь вернулся к жизни, я жил!

Тринадцать пар очень спокойных, бесстрастных глаз ловили каждое моё движение; я ощущал сильное давление чужих мысленных взглядов. Пришлось закрыться – хоть я и знал, что это лишь усилит подозрения. Вдобавок если за дело возьмется сам Мерлин... Конечно, я мог здесь оборониться и от него, но в этом случае секрет моей новой защиты стал бы известен и ему; нельзя недооценивать силы Великого Мага. И хотя я чувствовал его внимание, чувствовал его острый, проникавший всё глубже и глубже в меня взор, я ограничился обычной нашей магической обороной, что против Мерлина – как замок на двери давно заброшенного дома от настоящих воров.

– Познавший Тьму, срок определённого тебе наказания истёк, – не вставая, говорил Мерлин, глядя мне прямо в глаза, так что едва хватало сил не отводить взгляда. – Более лишать тебя права учить мы не можем. Я не слишком надеюсь на твоё исправление и говорю об этом открыто, во всеуслышание. Должен предупредить тебя: если ты вновь вернёшься к старому, то против тебя выступит уже не только одна Сигрлинн. Я пойду сам и не пожалею сил для посылки Астрального Вестника за разрешением на должную кару – если ты вновь взбунтуешься. Не советовал бы тебе следовать путем Ракота. А сейчас, – даже теперь Мерлин, в нарушение всех обычаев и традиций, не поднялся, чтобы вместе со мной достать Зерно Судьбы из Шара Жребия, а, напротив, демонстративно поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее, – иди и возьми принадлежащее тебе по Закону Древних! Клянусь Лунным Зверем, если бы не этот Закон – ты не стоял бы здесь.

Мерлин никогда не унижался до обманов, засад и внезапных нападений из-за угла. Я не удивлялся его злым словам, хотя они тоже звучали сейчас дико: наказания, и достаточно суровые, бывали у нас и раньше; но по истечении их срока все – и Мерлин в числе первых – старались обращаться с оступившимся как можно сердечнее и теплее, ни словом, ни взглядом не напоминая о прошлом. Мне, как я уже сказал, удивиться не приходилось. Мерлин не зря носил титул Великого. Он знал то, до чего ещё долго не сможет додуматься ни один из сидящих сейчас за Столом Совета, – что я не успокоюсь, пока не займу – как самое меньшее – его собственное место или пока не окажусь извергнут из пределов этого Мира.

Мне нужно осуществить слишком многое; задумано небывалое, и для этого мне – как первая ступенька – нелишне было бы место Главы Совета. И если бы Мерлин не произнёс только что прозвучавших слов – мне было бы нелегко поднять на него оружие. Теперь наоборот. Война объявлена. Тринадцать, составляющих Совет, оповестили меня, что не допустят ни одного моего шага в сторону от общепринятого для Мага. Ну и отлично! Попробуйте остановить меня на сей раз!

Я храбрился, зная сам, что до поры до времени на все мои начинания хватит двух-трех членов Совета, правда, им придётся изрядно повозиться; но если Мерлин сам покинет свой Авалон, мне несдобровать. Странное дело – все эти мысли вспыхнули в сознании тотчас, как будто я долго и упорно размышлял об этом, а ведь, ступив на плиты Воздушной Пристани Замка Всех Древних, я был убежден, что с Советом враждовать не придется, разве что с Макраном и Эстери. Но лгать себе – последнее дело, и тогда я подумал так:

«Ты всегда понимал, что, несмотря на возвращение из изгнания, тебя уже никогда не простят. Понимал, но не признавался себе в этом. Что ж, лучше поздно, чем никогда».

И тотчас же мне пришлось погасить все мысли об этом – потому что бесцеремонно пробирающийся к моему сознанию Мерлин уже почти одолел последние барьеры моей защиты. Но я недаром так долго странствовал среди Смертных. Люди, словно в возмещение за краткость их земного пути, порой наделяются странными талантами, один из них – искусство внутреннего молчания и молниеносной смены мыслей. Я прибег к нему, сохраняя свой заветный сек-

рет новой защиты на черный день, и Великий Мерлин если что и прочитал в моем сознании – так лишь досаду на чересчур назойливое внимание.

Я остановился перед Шаром Жребия. Зерно Судьбы Ученика, назначенного мне Предвечными, багрово светилось. Оно уютно лежало в своём хрустальном гнезде, пульсируя в такт сердцу нерождённого, ещё не вышедшего из материнской утробы. Я вгляделся в Зерно: никогда ещё его цвет не был так схож с цветом крови. Это будет воин, великий воин, понял я. Хозяева Судьбы ничего не скрывали. Но, Всемогушие Древние, сколько же в нём от рождения жестокости! Это хорошо. Это значит, что он сразу воспримет мои уроки – поскольку они ответят его внутренней потребности. Трудно пожелать себе лучшего Ученика для задуманного мной Дела.

Колокольчики умолкли окончательно. Выбор сделан, осталось взять Зерно. Я медленно протянул к нему руку, сосредоточенно вспоминая, как всё это происходило в последний раз. Но тогда мне помогал Мерлин, как и положено, а сейчас Глава Совета лишь холодно и отстранённо наблюдал.

И тут меня осенило. Я понял: они хотят, чтобы я погубил своего Ученика прямо при его рождении! И всё пойдёт по Закону – Маг, не сумевший взять Зерно, на достаточно долгий срок лишался права взять следующее. Конечно, это время показалось бы весьма незначительным по сравнению с моим изгнанием – что такое сто лет рядом с тысячью?

Что ж, я принял вызов. Ничего иного мне не оставалось. Медленно, очень медленно я коснулся Зерна – и у женщины-нищенки в полуразвалившейся хижине начались родовые схватки.

Всеми силами сознания я потянулся туда – и тотчас увидел жалкий, сколоченный из обрезков горбыля колченогий стол и выщербленную, потрескавшуюся утварь, постель – груды невообразимо грязного тряпья – и женщину, стонущую на этом тряпье. Рядом с ней никого не было.

Я не имел времени досадовать на Жребий или проклинать Мерлина; когда рождаются Ученики Магов, людские роды неизменно тяжелы и многократно опаснее обычных, зачастую матери погибают – а вместе с ними нередко и дети.

Всеми своими силами я постарался пригасить зловещее сверкание Зерна, разгоравшегося внутренним огнём, и мне это удалось, хотя чувство было такое, словно я голыми руками хватался за докрасна накалившийся металл. Женщине на время полегчало.

Но этим я выиграл только несколько минут; задача по-прежнему оставалась нерешенной, и никаких путей к её решению я тоже не видел. Оставалось только одно, запретное средство – запретное не только для меня, но и вообще для всех нас, даже для Мерлина. Оно пускалось в ход считанные разы, и обязательно нужна была помощь всего Совета, собравшегося в Замке Древних, чтобы от применения этого средства не встал бы на дыбы весь Мир.

Несмотря на все свои силы и знания, Маг не может прямо, непосредственно защитить кого-то от физической гибели отсюда, из Замка Древних; приходится прибегать к посредникам, появляющимся в нужном месте и в нужное время.

Я зажмурился. Очень чётко, как с высоты птичьего полёта, я видел хижину, окружающие её поля, покосы и огороды, заборы, сараи, другие дома, дороги – и, собирая в кулак всю волю, прожигая её в холодном огне Замкового Очага, я, подобно пылающему небесному болиду, низринул на Мир, огнистым клинком вспарывая слои Реальности, заставляя бурлить и клочкотать Реку Времени; и я властно сдвинул Пласты Бытия друг относительно друга, щедро черпая силы в запасённом Всеми Древними арсенале. Вокруг Замка забушевал огненный смерч, тугая волна ударила в кажущиеся несокрушимыми контрфорсы; я ежесекундно впитывал в себя новые и новые потоки небывалых видений, в поисках того, кто мог бы спасти моего Ученика.

И прежде чем выпущенные мной на волю призрачные Драконы Времени, живущие в его бескрайних волнах, впились в Мировую Твердь, я нашёл наконец того, кого искал. И, рассекая и разрубая мешающее, я устремился прямо к нему...

У купца слегка закружилась голова, а когда спустя миг всё прошло, мнительный торговец всё же решил опасаясь передохнуть. Караван свернул с тракта; почти тотчас и приказчики, и сам купец увидели бедную покосившуюся избушку, откуда доносились чьи-то тяжкие стоны; стонала явно женщина.

– Посмотрел бы, что там, – велел купец подручному. Тот не без брезгливости просунул голову в дверную щель.

– Баба рождает, ваше степенство, – крикнул он, оборачиваясь. – Мучается, видать!..

– Ансельм, помогите ей, – распорядился негоциант, в сущности, вовсе не злой и не чёрствый человек. Один из его спутников, в плаще и шапочке врача, поспешно поклонился и скрылся в хижине.

Стены Замка сотрясал невиданный шторм. Незримые валы сошедших с ума Сил перекачивались через него, грозя вот-вот слизнуть совсем, выдернуть гвоздь, крепящий всю совокупность наших пластов Реальности. Весь Совет во главе с Мерлином вскочил на ноги, образовав широкое кольцо. Если они сейчас не утихомирят вызванное мной миротрясение, Замок Всех Древних распадется в пыль. Предотвратить это трудно, но не невозможно.

А я, не давая себе и мига передышки, осторожно тянул Зерно Судьбы вверх из его нежного хрустального вместилища. Бушующая в Реальности и Межреальности буря сейчас мало занимала меня. Огонёк Зерна пульсировал между моими ладонями; осторожно, стараясь не качнуть и не дернуть, затаив дыхание, я тянул Зерно к себе. Мерлин что-то громко выкрикнул, стоя над пылающим Замковым Очагом; и даже будучи всецело поглощен добыванием Зерна, я не мог не поразиться той исполинской мощи, которую он вложил в это заклинание. Приведённые им в действие силы способны были справиться со средних размеров Темной Армией.

И одновременно со словами Мерлинова могущественного заклатья я наконец достал свою бесценную добычу. Зерно Судьбы лежало у меня на ладони.

А доктор Ансельм держал на руках сморщенный красный комок, тотчас же разразившийся злым криком.

После заклатья Мерлина буря стала утихать, дрожь пола и стен мало-помалу ослабла. Я ощутил согласованные, мощные удары соединенных сил Магов Совета; сдвинутые, перемешанные мной Пласты Мироздания постепенно возвращались на прежние места. Зерно Судьбы я спрятал в ладанку на груди и тотчас ощутил идущее от неё тепло. Больше дел в Замке у меня не оставалось, как я думал тогда сторяча; я даже не зашёл в свои здешние покои, раскланиваться с кем-либо также не имело смысла. Ни на кого не глядя, я пошёл прочь. И до самого парапета я чувствовал спиной холодный взгляд Великого Мерлина.

Оставив немного денег и еды пришедшей в себя после тяжких родов женщине, добросердечный купец дал команду двигаться дальше. Доктор Ансельм, оседлав свою смирную лошадку, казался чем-то чрезвычайно взволнованным, едва ли не испуганным.

– Вы как будто не в себе, добрый мой Ансельм, – заметил купец, внезапно позабывший о своём желании где-либо передохнуть. – Что вас так удивило?

– Удивило, патрон? – оглянувшись и нагибаясь к уху купца, горячо зашептал доктор. – Скажите лучше – ужаснуло! Я принял немало родов – но я никогда не видел младенцев с глазами проживших долгую жизнь старцев!

– Ну уж прямо? – усомнился купец, отличавшийся большим здравомыслием.

– Я совершенно уверен, патрон, – закивал головой Ансельм. – Это были глаза недоброго старика, долго живущего и много повидавшего. А потом – мне показалось, что я схожу с ума, –

эти жуткие глаза внезапно уменьшились, изменились, обессмыслились, став как у обычного новорождённого. Бр-р! Светлый Ямерт, убереги нас от лживых видений Мрака! – Ансельм сделал оберегающий жест. Купец повторил его, но без особой набожности. Заметно было, что рассказ молодого доктора не произвёл на него особо сильного впечатления. Караван постепенно скрылся за поворотом.

Я проводил их взглядом, плотнее завертываясь в серый нищенский плащ. Что ж... место неплохое, чистое, рядом источник. Селение в полумиле, неподалёку лес, река. Теперь посмотрим, где можно будет устроиться. Пожалуй, вот здесь, за пригорком, чтобы не так тянуло от воды... Я развязал котомку и достал остро отточенный плотницкий топор. Через час у меня получился вполне сносный шатёр-балаган, на первое время, пока не обзаведусь жилищем попрстойнее. И вообще, с мыслью о дворцах, перинах и подушках придётся на время расстаться. Я кое-как разложил свои нехитрые пожитки и отправился в хижину через дорогу.

– Можно войти? – Я осторожно постучал посохом о косяк. Вопрос мой задавался исключительно из вежливости: рассохшаяся и потрескавшаяся дверь всё равно стояла приоткрытой.

– Кого там тьма несёт? – ответил мне хриплый и слабый голос, лишь отдалённо напоминающий женский.

– Слышал я, ты родила сегодня, зашёл узнать, не надо ли чего, – пояснил я, не ступая за порог. – Воды там или дров... Я твой новый сосед буду.

– Ну, дела, – зло усмехнулись в темноте лачуги. («И откуда у неё только силы берутся?» – удивился я.) – Всю жизнь только били да пинали, слова доброго никто не сказал, а сегодня один за одним жалеть начали. Ну, ладно, заходи, посмотрим, какой ты там, жалельщик.

Из темноты раздался резкий и злой крик ребенка.

Селение, возле которого стояли наши хижины, звалось Йоль; чтобы поселиться в нём, новоприбывшему требовалось уплатить пошлину; кто не мог – не имел права обосновываться ближе полумили от крайних домов. Со Свавой, матерью моего Ученика, мыладили быстро. Насколько я понял, настоящей нищенкой она никогда не была, о прошлом говорила неохотно, а я не допытывался и не старался вызнать своими средствами – что мне в нём! Вскоре она уже не могла без меня обходиться: у неё – мальчишка исходил криком, даже поев, в моих же руках – замолкал мгновенно и мирно засыпал. Вдобавок я нашёл общий язык с олдерменом Йоля, став пользоваться за гроши людей и скотину. Потом предсказал погоду, посрамив деревенских знатоков, и к весне мы со Свавой уже могли бы жить в селении, но она отказывалась, не могла забыть оскорблений, а главное – такое положение входило в мои планы. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

Надо признать: Свава оказалась никуда не годной матерью. Она настолько привыкла к моей помощи, что несколько месяцев спустя уже не то что просила – требовала деньги на хмельное. Я давал, чтобы иметь возможность возиться с Хагеном, названным так в честь погибшего у меня на глазах другого моего Ученика – Хагена из Тронье, приближённого королей Вормса, о чьей страшной кончине уже сложено немало песен. Вскоре мальчишка оказался всецело на моём попечении.

Прошёл год, богатый и изобильный, за ним другой... Хаген рос, вскоре начал называть меня «дедом», донимать бесконечными «почему», а затем, в один поистине прекрасный для меня день, когда ему только-только стукнуло шесть, заявил, что хочет уметь драться.

Я смог мысленно утереть честный трудовой пот – и начал учить его.

Спустя полгода Хагена уже боялись все деревенские мальчишки до четырнадцати лет включительно.

Когда ему исполнилось восемь, он взял жизнь своего первого врага – матерого волка, оказавшись против него с одним-единственным детским ножом.

А ещё через три года деревню сожгли за недоимки.

Пьяный стражник походя рубанул мечом Сваву, вцепившуюся в мешок с мукой, но и сам тотчас свалился, потому что Хаген рысью прыгнул ему на плечи с потолочной балки, без тени сомнения ударив воина пониже уха острым ножом. Я же всё это время пролежал как бы без чувств, прикидываясь, что лишился сознания, сбитый с ног стражником, когда тот врывался в хижину. Я молча наблюдал за Хагеном.

И он не подвёл меня. Его руки трясли мои плечи, он звал меня изо всех сил, но растерянность его длилась лишь секунды. Он схватил нужное снадобье из моего мешка – и я «пришёл в себя».

– Ты живой? Тебя не сломали?

Он стоял передо мной со свежей кровью убитого им человека на руках и злыми слезами в глазах.

– Слегка сломали, Хаген. Но это ничего, я поправлюсь. А ты – молодец.

– Как бы мы им дали, если бы ты не упал!

– Ничего, Хаген. Ещё дадим, отплатим за всё и за твою мать тоже. Но для этого надо учиться.

– Я буду! Буду! А ты... ты научишь меня?

– Конечно, Хаген.

Глава III

Расставшись с Фроди и Гудмундом, Хаген поехал на юг. Если, пробираясь к Рёдульсфьёллю, его воины ещё встречали людские поселения, то ему не попадалось не то что деревень, но и ни единого живого существа. Только изуродованные чахлые сосны лепились по каменистым склонам глубокого ущелья, которым шагал его конь. Вороной жеребец хоть и повиновался наезднику, но временами начинал испуганно храпеть и упираться, и тогда Хагену приходилось спешиваться, успокаивая скакуна. Несмотря на немилосердно палящее солнце, тан не расставался с доспехами. Уже не один час его настойчиво преследовал чей-то враждебный и нечеловеческий взгляд. Чувствуя его, Хаген тем не менее не оборачивался. Нелюдь нападает либо сразу, либо не нападает вообще. В окрестностях Живых скал не встречались ни гарриды, ни хеды. Лишь морматы, людоеды-одиночки, кошмарные порождения Ракота времен расцвета его могущества, полуспруты-полуптицы, временами забредали сюда – забыться чёрным сном в Пламенной Котловине. И обитало здесь ещё одно существо, которое и искал Хаген. Конечно, насчёт Гарма было бы лучше всего посоветоваться с Учителем, но тот отправился в одно из своих загадочных путешествий, и до его возвращения – а он никогда не опаздывал – оставалось ещё два месяца.

С Псом, вскормленным в Хеле мясом мертвецов, необходимо управиться немедленно! Иначе... Волшебник говорил, что тогда Боги могут сойти с небес до Срока, а это означает крушение всех, с таким трудом осуществляемых замыслов! И пока вести не достигли Престолов Владык, он, Хаген из Йоля, тан Хединсея, должен в одиночку одолеть чудовище. Но кто же, однако, так упорно пялится ему в спину? Знают же, что к Живым скалам люди так просто не ходят – царящий в этом месте страх погонит назад любого, кроме лишь того, кто, как и сам Хаген, умеет Управлять и Подчинять. А нагло таращиться в спину владеющего этими умениями вот уже столько времени – зачем? Что за странная слежка – если это слежка? Или нашёлся какой-то молодой и глупый любитель человечины?

Тан выразительно попробовал лишний раз, хорошо ли вынимается меч из ножен; знаменитая голубая сталь не могла не остеречь преследователя. Её знали все, даже самые глупые гарриды и безмозглые хеды. Не говоря уж о Ночных Всадниках.

Однако упрямо упертый в спину чужой взгляд не исчез; Хагену оставалось лишь пожать плечами. Ладно, хочет смотреть – пусть пока смотрит. Взять крадущегося сзади нелюдя – можно, но тяжело, да и зачем? Вряд ли кто-то дерзнёт связываться со Старым Хрофтом, к которому и лежал путь тана. О Хрофте знали все, но мало кто осмеливался появляться в его владениях. Болтали, что у него какие-то дела с Орлангуром и Демогоргоном; эту же пару всё живое – исключая, конечно, Мудрых – боялось пуще смерти и позора: считалось, что они властвуют и над тем, и над другим. Потому-то Хрофт и имел дело со многими, со всеми, с кем хотел, а вот иметь дело с ним не отваживался почти никто. Хаген сильно подозревал – да и Учитель намекал, – что силы Живых скал подчиняются именно Хрофту. Долгими усилиями тот сумел создать себе небольшой уголок, в пределах которого оказался почти всевластен.

Ущелье превратилось в узкий каменный жёлоб, сырой и холодный. Под конскими копытами внезапно что-то заурчало, с кручи свалилось несколько камней. Последнее предупреждение безумцу, сумевшему добраться до самых Ворот. Нужно останавливаться, пока не появились Каменные Стражи. Интересно, как управится с ними тот, что за спиной?

Хаген достал из седельной сумки запасной плащ, замотал голову жеребцу. Снял с перевязи меч, отложил колчан с луком. Против Каменных Стражей оружие бессильно, даже такое, как у него. Только голые руки, больше ничего. Кроме воли, конечно.

Сверху скатилась здоровенная глыба, с треском и искрами врезалась в другой валун. Стражи неподалёку, а тот, следящий, по-прежнему здесь и, судя по всему, никуда не торо-

пится. Личность эта уже начинала занимать Хагена ничуть не меньше предстоящего свидания с Хрофтом.

Скала справа от тана с громом и грохотом лопнула, точно перезревший плод. Ливень острых осколков осыпал всё окрест, однако Хаген успел произнести в нужное мгновение заклятье Отражения, и их с конём не задело. А потом из развороченных каменных руин поднялось существо, один вид которого заставил бы упасть без чувств любого, даже безрассудно храброго человека. Огромная голова существа моталась из стороны в сторону на тонкой змеиной шее, мощное туловище поддерживали четыре колоннообразные ноги, оно мчалось, угрожающе вытянув вперёд длинные когтистые лапы, перевитые толстыми жгутами мускулов. Точнее, это очень напоминало мускулы, ведь на самом деле всё тело Каменного Стража состояло из мелких и средних валунов.

Хаген мгновенно напряг и распустил мышцы. Только Смертные, не прошедшие Посвящений, выходят на подобное с подобным. Меч отражают мечом, слово – словом (разумеется, до времени). Против каменного чудовища они тоже наверняка бы схватились за булыжник. Мудрые учат по-иному. В Природе ель произрастает от ели, у волка появляются волчата, всё живое рождает подобное себе. В Магии же нечто, как правило, дает начало своей противоположности. Скалу не расколешь подобранным голышом, но на это способна человеческая рука, лишённая стальной оболочки. И поэтому Хаген мог встретить Каменного Стража одними лишь кулаками, словно тот был его противником в молодецком честном бою.

Однако Каменный Страж не обратил на молодого тана никакого внимания. Он промчался мимо, рыча, как сотня голодных львов, преследующих добычу. Хаген оторопел. Такого он не видел, о таком он не слышал, такое не могло даже прийти ему в голову. Чудовищная Сущность, порождение Живых скал, Каменный Страж устремился не на него, тварь из плоти и крови, а на его неведомого преследователя.

«Ложись!» – прежде чем сознание Хагена восприняло этот пришедший извне яростный крик-приказ, тело уже выполнило его – и вовремя. Тот, кто преследовал тана, видимо, прекрасно знал, кто такие Каменные Стражи и на что они способны, если рассвирепеют, и потому использовал свой шанс, попытавшись достать человека. Сверкающий стальной Диск срезал прядь волос на затылке тана и с визгом вонзился в камень. Раздался омерзительный скрежет, метательное оружие дрожало в щели, окружённое мелкими облачками каменной крошки.

Хаген похолодел. Против него применили вещь настолько смертоносную и легендарную, что даже Учитель мог припомнить лишь два случая, когда людям удавалось спастись от неё. Диск Ямерта! Учитель рассказывал о великом Храме Солнца в столице Хранимого Королевства, где на высоких террасах, открытых лучам дневного Светила, в хрустальных кубках, как величайшие святыни, хранятся пять таких Дисков. Жрецы Ямерта повелевают могущественными силами, ими закланы и им подвластны многие и многие магические существа – но почему Храм Солнца вдруг решил уничтожить его, Хагена?

А тем временем Каменный Страж добежал наконец до тех кустов, где таился метнувший в тана Диск посланец Света. Хаген услышал утробный рев чудовища, а затем – полный ненависти и гнева боевой крик-выдох, с каким воины наносят врагу последний удар; и крик этот был женским. В ответ Страж оглушительно взрыкнул – и там началась схватка. Однако следить за ней Хаген не мог – он смотрел на Диск, и только на него.

Скрыться от этого оружия невозможно: брошенное, оно непременно найдёт цель само. В тех редчайших случаях, когда жертве удастся увернуться в первый момент, застряв в камне, земле, дереве, утонув в реке, Диск Ямерта сам выберется на волю и вновь обрушится на того, кого бросивший избрал мишенью. Диску нипочем любые доспехи, он режет железо, как тонкий холст. И лишь отведав в крови жертвы, он успокоится и вернётся в руку пославшего.

Содрогаясь и издавая лёгкое гудение, Диск Ямерта мало-помалу вытаскивал сам себя из глубокой щели в камне. Второй раз Хагену уклониться не удастся. Сейчас, сейчас... осталось уже совсем немного...

Хаген с маху полоснул себя ножом по левому запястью. Теплые тяжёлые струйки алой крови побежали в подставленную ковшом ладонь. Быстро, быстро... но и Дису осталось преодолеть последний дюйм. Не дожидаясь, пока горсть наполнится, Хаген поспешно нагнулся к чудо-оружию, аккуратно выплеснув на него всю набежавшую кровь.

В тот же миг смертоносный сверкающий кругляш вырвался наконец из камня – и замер, сбитый с толку кровью того, кого послан был уничтожить.

Хаген поспешил плеснуть ещё.

Диск с лёгким звоном покатился по камням обратно к кустам, откуда был брошен.

Поверил.

Задыхаясь, Хаген упал спиной на камни, в запале даже не ощутив боли.

Обманул.

Однако недаром он был Учеником Мага. В следующее мгновение его правая рука уже затянула холстиной рассечённое запястье; а затем он прыжками ринулся вслед Диску, на бегу выхватывая меч. Времени оставалось очень мало – мгновения, пока Диск не вернулся в руки бросившего. Хаген бежал, как учили, – лишь не по-людски зоркий глаз смог бы разглядеть его тень, стремительно мелькавшую в просветах между валунами. Бежать так очень тяжело, кроме Слов Силы, нужно также знать, как сделать, чтобы они подействовали.

А тем временем между Каменным Стражем и неведомым преследователем Хагена продолжался жестокий бой. Что-то тонко свистело, рассекая воздух, но не сталь, а, скорее, короткий хлыст; свист то и дело перекрывался яростным рёвом Стража.

Что же это за противник, кому оказалось по силам противостоять почти непобедимому врагу? Сам тан, готовясь к столкновению, не рассчитывал на победу, Каменный Страж должен был увидеть в нём своего... Детище Живых Скал никогда не атаковало бы его с такой ненавистью, и, если следивший за Хагеном настолько силён, как с ним управиться?..

Неожиданно Каменный Страж дико взвыл в смертной муке, взвыл и умолк, лишённый жизни, с грохотом валясь на землю; и, едва затих шум падения, ухо Хагена уловило короткий предсмертный стон, негромкий и жалобный, полный какой-то недоумённой, почти детской обиды.

Голова Каменного Стража рассыпалась мелкими камнями; а чуть выше, среди изломанных, втоптаных в землю кустов, тан увидел тонкое девичье тело, – остекленевшие глаза уставились вверх, серый плащ Ночной Всадницы запятнан кровью, правая рука неестественно выгнута...

Окажись здесь Фроди и Гудмунд, они сочли бы убитую родной сестрой повстречавшейся им колдуньи, что расправилась с устроенной на её пути засадой, и оказались бы близки к истине.

Хаген пристально осмотрел мёртвую. На первый взгляд в ней не было ничего общего с обычными Ночными Всадницами, кроме одного лишь неизменного вертикального зрачка, как у хищных птиц. Уроки не прошли даром. Хаген смотрел на погибшую лишь как на некий предмет, который нужно исследовать, не более. Не колеблясь, он обшарил тело.

Диск Ямерта смирно лежал рядом с трупом, но Хаген даже не протянул к нему руки. Учитель-то сумел бы взять его, а он, Хаген, знает пока недостаточно. Сейчас оружию придёт приказ вернуться в Храм – и сверкающий круг отправится в дальний путь; горе тому, кто осмелится схватить его!

Никакого иного оружия при Ночной Всаднице не оказалось. Хаген нашёл только один замысловатый ключ от замка гномьей работы и спрятал вещицу в карман, надеясь разобраться позднее. Гораздо больше занимала его ещё не угасшая тень сознания юной колдуньи. Слишком

много необычного для Ночной Всадницы виделось Хагену, опустившему веки и простершему руки над головой погибшей. Однотонная у людей и однозначно серая у простых ведьм, здесь тень сознания оказалась многокрасочной, серое и чёрное чередовалось с голубым и зелёным, а на самом краю едва заметно светилась, угасая, тонкая золотая ниточка. Учитель говорил о такой... это же знак связи с магическими силами!

Что бы сказал Хаген, узнай он, что в тени его собственного сознания тоже есть точно такая же золотая нить – как и у всех остальных Смертных, которые стали Учениками Магов?

Тан торопился, понукая жеребца, неуверенно ступавшего по острым камням. До жилища Старого Хрофта оставалось ещё несколько лиг, а ночь близилась; и с ней близилось время, когда все силы Живых скал обратятся против него одного – иссушат, сожгут мозг, и он рухнет с пустыми, вытекшими глазницами... Каменный Страж погиб, Хаген не добыл от него заклятье Прохода и остался для Живых скал лишь ненавистой ходячей тварью с тёплой кровью. Зайдёт Солнце, поднимется бледная губительница Луна, и скалы обретут свою истинную силу. Тогда ему несдобровать, если он не успеет добраться до Хрофта.

«Вот ещё одна задача, – думал Хаген. – Кто-то очень могущественный всерьёз решил покончить со мной. Кто и зачем?» Тан попробовал было сосчитать тех людей, кто может желать его смерти и пока ещё не отправленных в Хель, но тотчас сбился. Кто же из них стоит достаточно высоко, чтобы убедить самих жрецов Ямерта выступить против Хагена? А может, мелькнула тревожная мысль, это кто-то из недругов Учителя?

Однако не имело смысла попусту ломать голову, и Хаген бросил бесплодное гадание. Учитель говорит – сосредоточиться на выполняемом. Сейчас выполняемое – оказаться под крышей Хрофтова обиталища, об этом и подумаем.

Тан успел. На серых телах гор ещё не угас пламень вечерней зари, а взору его уже открылась круглая котловина; напротив выхода из ущелья, которым ехал Хаген, к её склону прислонилось жилище Старого Хрофта, сложенное из невообразимо древних брёвен, каждое толщиной не меньше чем в три обхвата; две длинные стены, отведённые от склона горы, замыкал довольно узкий фасад с единственным окном и дверью, низкой и широкой. Чуть в стороне стоял сарай с коновязью.

Хаген накинул повод своего жеребца на крюк, задал ему овса и громко постучал рукоятью меча в окованные бронзой двери.

– Входи, кто ни есть! – пробасил в ответ очень низкий голос, почти рык. – Входи, не заперто!

Хаген толкнул дверь и вошёл, низко поклонившись притолоке.

В просторных сенях стоял полумрак, вкусно пахли пучки густо развешанных по стенам трав. (И откуда только Хрофт их берёт? Пустыня же вокруг!...) Вторую дверь навстречу гостю otvorил уже сам хозяин.

Старый Хрофт был и высок ростом, и широк в плечах, а годы так и не смогли согнуть его спину. Он имел истинно царственную осанку; рассечённое глубокими морщинами лицо с орлиным носом, широким и плавным изгибом-разлётом бровей было лицом воина, много повидавшего, претерпевшего всё, но так никем и никогда не покорённого. Его можно было бы принять за очень знатного ярла или короля Южных берегов. Глаза его горели таким огнём, что выдержать этот взгляд могли лишь очень немногие. Маг Хедин, например.

Хрофт носил простую одежду из серого холста, зато на его широком узорчатом поясе висел короткий и широкий меч в прозрачных ножнах, словно сделанных из хрусталя. Клинок казался выкованным из чистого золота; от меча исходило сияние – чуть приглушённого густого цвета осенних кленовых листьев.

– А, Хаген! – расхохотался хозяин, хлопая гостя по плечу. – Давненько не заглядывал, совсем забыл старика! Ну, заходи, заходи, мне двери запереть надо, а то вечер близко. – Он

вновь хохотнул, и Хаген улыбнулся шутке – кто ж не знал, что к этому жилищу ни Смертные, ни Бессмертные, ни Рождённые, ни Сотворённые не осмеливаются приближаться с недобрым.

– Заходи, у меня эль как раз поспел, – продолжал говорить Хрофт, ведя гостя по длинной горнице с двумя очагами – одним возле самых дверей и вторым в глубине, около широкой постели, крытой мехами. – Садись, бери кружку да рассказывай, с чем пожаловал. Как почтенный Хедин?

После первых же слов молодого тана Хрофт разом отбросил всё шутовство. Он впился в собеседника огненным взглядом, точно намеревался прожечь в нем пару дыр; узловатые, очень сильные пальцы вцепились в стол.

– Давненько я не слышал ничего хуже... – проворчал Хрофт, когда Хаген замолчал, поднеся к губам здоровенную кружку с пенным тёмным элем. – И дело даже не в Гарме; с ним-то управиться можно, что он – пес, да и только, хоть и большой. А вот твоя преследовательница тревожит меня гораздо сильнее. С Хедином надо бы поговорить... – закончил он уже тише, потирая лоб и погружаясь в раздумье. Брови его сошлись к переносице.

Несколько минут Хрофт размышлял, затем решительно хлопнул ладонью по столешнице.

– Ладно! Что мы тут с тобой надумаем... всё, глядишь, так и так по-иному повернётся. Поэтому сейчас спи, утром я тебе скажу, что с Гармом делать. Всадницей этой я сам займусь... после того, как потолкую с твоим Учителем. Спи! И что бы ты этой ночью ни увидел и ни услышал – не удивляйся, не пугайся и не шевелись! Пока это ещё не твоё дело – хотя ты быстро растёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.